

Запад и “исламский терроризм”

Александр Вавилов,
доктор исторических наук, профессор

В работе проф. Вавилова А.И. освещается один из самых актуальных вопросов современной мировой обстановки – активизация международного терроризма, ставшего серьезным вызовом всеобщему миру и безопасности, и не во всем адекватная на нее реакция западных стран. В виду значительного объема и актуальности анализируемого материала, большая часть из которого вводится в научный оборот впервые, проведенное исследование публикуется в двух журналах.

Редакция

В сентябре текущего года в Америке отмечали очередную годовщину смертоносных авиатаранов, глубоко потрясших весь мир. С той поры, по инициативе Вашингтона, против терроризма развернулась всемирная борьба. Годовщина теракта в Нью-Йорке дала политикам и аналитикам повод подвести ее некоторые, пусть промежуточные, итоги. Они оказались мало воодушевляющими.

По иронии истории траурные мероприятия в память об 11 сентября 2001 г. совпали с очередными слушаниями на Капитолийском холме по Ираку. С докладами выступили командующий американскими войсками в этой стране генерал Д.Петреус и посол США в Ираке Р.Крокер. По оценке мировых СМИ, конгресмены своими нелицеприятными вопросами буквально “поджаривали их на медленном огне”¹. Из просочившейся в прессу информации из конгресса напрашивался вывод о неудаче политики администрации Дж.Буша по “умиротворению и демократизации” Ирака, который был оккупирован в марте 2003 г. многонациональными силами под флагом борьбы с международным терроризмом.

В Европе, в полной мере испытавшей на себе за минувшие годы тяжесть террористических ударов, также все отчетливее звучит суждение о том, что силовая тактика антитеррористической борьбы не срабатывает. По всей вероятности, ее неудачи связаны с недостаточно глубоким пониманием генезиса и подпитывающих факторов такого многогранного явления, как международный терроризм. Попробуем, по известному совету К.Пруткива, “зреть в корень” и непредвзято разобраться в сути этого многосложного феномена и его катализаторах.

Международный терроризм как стимул американской внешней политики

В отечественной и зарубежной литературе бытует мнение, что трагические события в Нью-Йорке и Пенсильвании 11 сентября 2001 г. провели своего рода водораздел в ближневосточной, да и во всей внешней политике и практике США. С той поры ее стержневыми векторами стали провозглашенное президентом Дж.Бушем неоспоримое право Америки на нанесение по собственному разумению превентивных ударов повсюду в мире в случае возникновения у Вашингтона малейшего подозрения в существовании угрозы безопасности США, а также для распространения “демократии”, борьбы против “тоталитарных, поощряющих терроризм”, режимов. Однако, что такой поворот произошел несколько ранее.

“Путь международному терроризму, – отмечает проф. А.Гельке из Центра исследований этнических конфликтов в Белфасте, – этой новой форме сопротивления всемогущей гегемонии США – открыл распад Советского Союза”².

Эту мысль развивает Э.Руло, который полагает, что “политическая важность терактов 11 сентября была раздута в целях оправдания «войны против терроризма» президента Буша”.

Эти неожиданные удары, продолжает этот известный и многоопытный французский знаток хитросплетений мировой и ближневосточной политики, “стали удачной находкой для неоконсерваторов. Они позволили им задействовать собственную имперскую программу: оккупацию Афганистана и Ирака, а затем и Ирана, усилить военное присутствие в Центральной Азии и Персидском заливе; закрепить контроль над нефтересурсами; инициировать «демократизацию» или смещение режимов, сопротивляющихся новому миропорядку. Все это – во имя «войны против террора», планетарной, тотальной и неограниченной во времени...”².

В традиционном обращении к стране 29 января 2002 г. Дж.Буш произвольно определил источники террористической опасности или, в его интерпретации, “ось зла”, на которую он нанизал Иран, Ирак и Северную Корею. Позднее к этим странам-изгоям, в американском понимании, добавилась Сирия.

О глубинных причинах перехода американцев к практике “хирургического вмешательства” в дела Ближнего Востока известный американский политолог Р.Н.Хаасс пишет весьма откровенно: “США традиционно пользовались уникальной возможностью работать как с арабами, так и израильянами. Но пределы этой возможности проявились в Кэмп-Дэвиде в 2000 г. С тех пор слабость преемников Я.Арафата, подъем Хамас, переход израильтян к односторонним действиям – все это привело к отсечению Соединенных Штатов на обочину, чему способствовала и несклонность нынешней администрации Буша предпринимать активные дипломатические шаги”³.

Выпустив из рук политико-дипломатические рычаги влияния на развитие обстановки в регионе, Вашингтон все в большей мере обращается к испытанной тактике “большой дубинки”. Трагедия 11 сентября послужила для такого поворота лишь дополнительным стимулом и оправданием.

Минувшие с того времени годы дали немало примеров применения силовых постулатов доктрины Буша на практике. При этом в качестве своего главного побудительного мотива США выдвигают борьбу с международным терроризмом, главным источником которого в Вашингтоне, а за ним и в европейских столицах считают исламский мир. Отсюда “превентивные удары” по Афганистану и Ираку, неспадаящее давление на “непокорные” Иран и Сирию.

“Исламский терроризм”: мифы и реальность

В первое десятилетие XXI в., по всеобщему признанию, международный терроризм превращается в реальный вызов современности, представляющий нарастающую угрозу безопасности и стабильности во всем мире.

В опубликованном в конце апреля 2006 г. ежегодном докладе госдепа США сообщалось, что в предшествовавшем году в мире было совершено свыше 11 тыс. терактов (в 2004 г. – более 3 тыс.), в результате которых погибло более 14 тыс. чел., 25 тыс. ранено и 35 тыс. похищено⁴.

В 2006 г. такая тревожная тенденция сохранилась: в очередном докладе госдепа отмечалось, что число террористических актов в мире возросло на 25%, а количество жертв терроризма увеличилось на 40%.

В 2006 г. было совершено уже около 14 тыс. терактов, в основном в Ираке и Афганистане.

Число жертв возросло до 40 тыс. чел., что на 5,8 тыс. больше, чем в 2005 г. Число пострадавших от терактов увеличилось в 2006 г. на 54%. В результате терактов в одном Ираке погибли около 13 тыс. человек, что составило 65% от общего числа жертв терроризма во всем мире.

Отметим, что термин “международный терроризм” имеет, на наш взгляд, несколько расплывчатые и чересчур расширенные рамки, позволяющие использовать его для оправдания самых различных акций. Отнюдь не случайно, что до настоящего времени в международном праве отсутствует его общепринятое определение.

После атак 11 сентября 2001 г. “международный терроризм” в американской и в целом западной политической риторике и публицистике приобретает “исламскую прописку”. С того времени по поводу “исламского терроризма и экстремизма” написано и сказано немало, но не всегда, к сожалению, со знанием дела. В связи с этим

целесообразно подробнее разобраться в этом относительно новом феномене международной жизни.

Исторически предтечей “исламского терроризма” в западной публицистике, да нередко и в научных трудах был “*исламский фундаментализм*”.

Он вошел в международный политический лексикон в конце 70-х – начале 80-х годов после подъема антишахского движения, завершившегося свержением монархического режима и выходом Ирана на региональную и международную арены в качестве главного, часто воинствующего проводника и поборника мусульманских догматов, выступающего за экспорт “исламской революции”, за единение всех мусульман мира, число которых в настоящее время перевалило за 1,5 млрд. чел.

Отсюда еще один термин, используемый главным образом французскими политологами для обозначения фундаменталистов – *мусульманские интегралы*.

Понятие “исламский фундаментализм” сегодня не всегда оправданно распространяется на довольно широкое, расплывчатое и во многом разномасштабное религиозно-политическое движение, выступающее за возврат к “первородным, коренным ценностям ислама” (неслучайно, по-арабски, фундаменталисты переводятся как “корневики”), за свой, самобытный путь развития мусульманских стран в современном мире.

Корни этого движения, у истоков которого в 20-х годах прошлого века стояли члены группировки “братья-мусульмане”, организационно оформившейся в Египте к концу 20-х годов и распространившей затем свое влияние и структуры на многие арабские страны, восходят к периоду зарождения освободительных процессов в “третьем

мире” и в арабских странах, в частности. Оно тесно связано с эволюцией ситуации в арабском мире в последние

десятилетия и вокруг него, поэтому стоит, хотя бы кратко, рассмотреть ее в этом контексте.

Исторический фон активизации исламизма

Кардинальные изменения, произошедшие в расстановке сил на международной арене после распада Советского Союза, а с ним и системы социалистических государств, побудили многих политиков и политологов как у нас в стране, так и за ее пределами, в ближнем и дальнем зарубежье повести речь о формировании “*нового мирового порядка*”.

Когда рассуждают о наступлении “нового мирового порядка” (этот термин был пущен в международный политический оборот президентом Дж.Бушем-старшим после победы США в войне против Ирака в 1991 г.), то подразумевают, прежде всего, перестройку структуры взаимоотношений между государствами по линии Запад – Восток, бывшей линией жесткой и изнурительной конфронтации, возглавлявшейся двумя антагонистическими сверхдержавами.

Спору нет, от того, как дальше будут развиваться международные отношения по этой генеральной линии, зависит очень многое в судьбах мира. Однако, как представляется, было бы неоправданно с теоретической и практической точек зрения ограничивать угол политологического исследования лишь этим, пусть важнейшим и определяющим, вектором современного мирового развития на глобальном и региональном уровнях.

Сейчас, когда “главное противоречие минувшей эпохи – между миром капитализма и социализма” резко ослабло, на повестку дня международной жизни с еще большей остротой встают проблемы интеграции мусульманских стран в стремительно глобализирую-

щийся мир, от решения которых, без преувеличения, напрямую зависит безопасность и стабильность на нашей планете.

Глобальная конфронтация в “холодной” войне, смертельно опасное и трудно предсказуемое балансирование на грани войны “горячей” в течение почти полувека не только серьезно отравляли международный политический климат, но и глубоко искривили пути развития целых регионов.

Очевидный пример тому – Ближний Восток, страны которого по своей калейдоскопической пестроте и многообразию, по несхожести исторических судеб и даже в ряде случаев полностью в развитии могут с известным допущением служить миниатюрной моделью всего мусульманского мира.

Обретя, во многом благодаря глобальной конфронтации, политическую независимость, ближневосточные, как и другие освободившиеся государства, оказались перед выбором модели самостоятельного развития. Большинство из них предпочли, “не мудрствуя лукаво”, вступить не без влияния прежних колониальных метрополий на традиционный капиталистический путь развития. Другие, и их было меньшинство, в поисках решения своих острейших политических и социально-экономических проблем попытались стать новаторами и воплотить у себя заимствованные социалистические схемы.

Со времени этого исторического выбора прошло 40–50 лет, так что можно подвести некоторые, пусть для отдельных стран предварительные, итоги.

Главный из них для стран обеих ориентаций – неутешителен.

Лишь очень немногим из них, да и то крупнейшим и богатым природными и людскими ресурсами, удалось до известных пределов вырваться из пут зависимости, доставшейся от колониальной эпохи, модернизировать архаичные хозяйственные структуры, приблизиться к уровню промышленно развитых государств, стать, по модной ныне и во многом пока спорной терминологии, “новыми индустриальными странами”.

В целом же арабский, как и в подавляющем большинстве своем весь мусульманский мир, остался на положении мировой деревни, снабжающей капиталистический город сырьем и дешевой (часто нелегальной) рабочей силой. Его удел – “догоняющая” модель развития.

Более того, как отмечалось на прошедшем в июне 1994 г. в египетской столице совещании министров иностранных дел стран-членов Движения неприсоединения, многие проблемы, с которыми эти страны подошли к независимости, такие как беспросветная нищета и забитость широких слоев населения, а зачастую и голод, уозость внутреннего рынка и скудость источников накопления, за десятилетия самостоятельного развития не только не нашли своего разрешения, но и еще более обострились.

Характерен комментарий, приуроченный к работе совещания каирской газетой “Аль-Ахбар”, которая отмечала, что во времена “холодной” войны народам “третьего мира” жилось лучше, чем сейчас. Вместо мира, справедливости и уважения прав человека они получили серию кровопролитных вооруженных конфликтов.

На этом неблагоприятном фоне в мусульманском мире усиливаются настроения безысходности и социального отчаяния, растет внутренняя нестабильность, выливающаяся в череду пе-

реворотов, перманентную борьбу за власть, ожесточенные региональные конфликты, создающие серьезную угрозу международному миру и безопасности (вспомним, к примеру, почти десятилетнюю кровопролитную, варварскую и практически безрезультатную войну между Ираком и Ираном, неожиданный захват Ираком Кувейта и тому подобные столкновения, которым в современном мире конца не видно).

Не стали панацеей от всех бед и резко возросшие в первой половине 70-х годов доходы арабских, как и других из “третьего” мира экспортеров нефти. Они не привели к структурным сдвигам в экономике, хотя заметно ускорили развитие отдельных стран. Большая же часть доходов оказалась вложенной за пределами региона.

Для иллюстрации приведем лишь одно сравнение: объем зарубежных капиталовложений в экономику арабских стран в 2004 г. не превышал сравнительно скромной величины в 8 млрд. долл., тогда как арабские инвестиции зарубежом в том же году достигли 1,5 трлн. (!) долл.⁵.

В целом же арабский регион, как и прежде, остается, главным образом, поставщиком сырой нефти и импортером обширной гаммы промышленных и продовольственных товаров.

Более того, рост цен на нефть повлек за собой углубление противоречий в мусульманском мире, привел к еще большему размежеванию между богатыми и бедными странами. Многие ближневосточные политологи справедливо полагают, что нефть и доходы от нее лежат в основе нынешних и будущих конфликтов в регионе и за его пределами.

Развернувшиеся на рубеже веков процессы глобализации лишь добавили проблем арабским странам, подавляющее большинство которых, как справедливо отмечает российский исследователь А.А.Ткаченко, “изрядно задер-

жались со стартом назревших экономических и политических реформ. Нельзя забывать и о том, что арабские страны в основной своей массе относятся к государствам с относительно низким уровнем экономического развития.

Так, годовой доход на душу населения здесь составляет 1000–2000 долл.

Для региона, за некоторым исключением (нефтедобывающие монархии Залива), характерно наличие огромного “социального дна” – доходы от 20–30 до 40% и более населения ниже или едва соответствуют прожиточному минимуму⁶.

Тревожные выводы напрашиваются и после анализа данных, содержащихся в докладе Программы развития ООН (PNUD) и Арабского фонда экономического и социального развития (АФЭСР), опубликованном в г. Аммане (Иордания) 20 октября 2003 г.⁷.

Приведем для наглядности лишь некоторые из них:

ВВП 21 страны-члена Лиги арабских государств (ЛАГ) и Палестины вместе взятых с населением свыше 280 млн. чел. лишь не намного превышал ВВП всего одной и то не самой развитой страны Западной Европы – Испании с населением в 7 раз меньше, чем арабское.

Число женщин в парламентах арабских стран составляло 3,5% всех депутатских мест, тогда как в остальном мире – 13,5%.

С 1970 г. число грамотных женщин в арабских странах, благодаря развитию систем образования, утроилось, но половина женского населения оставалась незнакомой с азбукой⁸.

На 1 тыс. жителей в арабском регионе приходилось 53 ежедневных газеты, а в развитых странах 285. На арабский язык переводилось в 5 раз меньше работ, чем на греческий, на котором говорят лишь 11 млн. чел. по сравнению с более чем 280 млн. арабов.

За 2000–2001 гг. число пользователей Интернетом в арабских странах возросло на 60%, но доступ к этому всемирному источнику информации имели лишь 1,6%

населения, тогда как в США – 79%, а в Великобритании – 68%.

В сфере научных исследований и технических разработок в арабских странах работало почти в три раза меньше ученых и специалистов из расчета на 1 млн. населения, чем по всему миру (371 и 979, соответственно).

Да и расходы на научные исследования в арабских странах не шли ни в какое сравнение с развитыми: в арабских странах около 0,2 % бюджетных отчислений, тогда как в США – 3,6%, Швеции – 3,8%, Швейцарии и Японии – 2,7%, а во Франции и Дании – 2%⁹.

Число компьютеров на 1 тыс. жителей в 2003 г. в арабских странах составляло 18, тогда как в среднем по всему миру 78,3¹⁰.

Еще более мрачные показатели в 2005 г. сделала достоянием гласности Арабская организация по вопросам образования, культуры и науки (АЛЕКСО, региональный аналог ЮНЕСКО): число неграмотных в рассматриваемых странах за 35 лет (1970–2005 гг.) не только не сократилось, но и пугающе выросло – с 50 до почти 70 млн. чел. Из этого числа 25% составляли мужчины (старше 15 лет) и 40% женщины.

Удручающие перспективы в сфере народного образования вырисовывались из следующих данных той же организации: 20% детей от 6 до 11 лет и 40% от 12 до 17 лет или 23 млн. молодых людей не посещали школу и таким образом готовились пополнить ряды неграмотных¹¹.

Вялая экономическая конъюнктура приводила к обострению проблемы занятости молодежи. Дело в том, что к середине первого десятилетия нового века 90% производственного потенциала арабских стран все еще составляли средние и малые предприятия. “Золотые времена” взлета нефтяных доходов в середине 70-х годов привели к развитию инфраструктуры, а не обрабатывающих отраслей промышленности (они давали лишь 10,5% ВВП), в которых и

создаются дополнительные рабочие места¹². В условиях острой конкуренции как на страновом, так и региональном и мировом уровнях и при хроническом недостатке финансовых средств эти предприятия, чтобы выжить, были вынуждены идти по линии сокращения числа работающих. В результате ежегодный рост безработицы в арабском мире в рассматриваемый период составлял 2,5%.

К 2005 г. в этих странах было 14% безработных или 12,5 млн. активного населения, в большинстве своем в возрасте от 15 до 24 лет. При сохранении указанных темпов роста к 2020 г. число незанятых в арабских странах может составить 25 млн. чел.¹².

По расчетам Программы развития ООН и Всемирного экономического форума в Давосе, арабским странам в предстоящие 15 лет нужно ежегодно создавать 6 млн. рабочих мест для обеспечения занятости молодежи, вступающей на рынок труда. Это потребовало бы экономического роста на 4% в год, чего в прошлом никогда не было достигнуто¹³.

Не находя достойного применения своих способностей и полученных знаний на родине, многие молодые специалисты из арабских стран отправлялись на Запад в поисках лучшей доли и условий жизни.

С 1998 по 2000 гг. отток только врачей из региона превысил 15 тыс. чел.⁷.

По оценкам Арабской организации труда, если потери арабских стран от "утечки мозгов" в 70-х годах прошлого века составляли 11 млрд. долл. то к середине первого десятилетия XXI в. они увеличились в 20 раз, подскочив до 200 млрд.⁹.

На основе анализа современного положения арабских стран в мирохозяйственной структуре российский исследователь В.М.Ахмедов приходит к выводу о том, что "сегодня большинство арабо-мусульманских стран Ближ-

него Востока переживают переходный, индустриализирующийся характер развития. Это предполагает создание не столько демократических режимов, сколько государства, ориентированного на модернизацию экономики и социальное развитие"⁵.

Социально-экономические факторы консервации отсталости в регионе дополнялись политическими. Борьба с терроризмом, почти полувековая нерегулируемость конфликта с Израилем, обострение положения в Ираке служили для многих режимов благоприятными предложениями, оправдывающими сохранение существенных ограничений демократических прав и свобод.

Недоступность несиловых методов борьбы с несправедливостью усиливала радикальные исламистские тенденции и группы, проповедовавшие насилие.

Отставание от развитых стран Запада, разочарование в избранном пути развития, дискредитация традиционных светских харизматических лидеров приводят в мусульманском мире, что особенно заметно на примере мира арабского, к нарастанию агрессивного национализма, часто облаченного в религиозно-конфессиональные одежды. Отсюда поиски своего, особенного, "третьего", ни капиталистического, ни социалистического пути развития, претензии к развитому капиталистическому миру относительно компенсации за отсталость.

С другой стороны, не следует сбрасывать со счета и такой "колониальный комплекс", как потребительское, иждивенческое отношение правящих кругов многих мусульманских стран к связям с бывшими метрополиями, осознанная или нередко подсознательная ориентация на них в вопросах внутренней и внешней политики.

В этих условиях нередко происходит "сшибка" поднимающейся волны

национализма и коллаборационистских тенденций в политике верхов, что приводит к накоплению в ряде стран горючей, взрывоопасной смеси недовольства широких масс коррумпированностью, заангажированностью правящих кругов перед Западом.

Оказываясь между занесенным над ними американским молотом и накопленной народной недовольства, правящие режимы в арабских странах не прочь продемонстрировать приверженность национальным и мусульманским ценностям, несколько снижая препоны перед исламистами, дабы “сбросить давление во внутривластном котле”. Переводя стрелку ответственности на Запад и, прежде всего, США за сложившееся положение (социальная и экономическая стагнация, коррумпированность властей всех уровней, бесконечное затягивание с решением палестинской и других общеарабских, региональных и страновых проблем) официальные власти фактически подыгрывают исламистам, вторят их обличительной риторике, тормозят попытки произвести объективный и непредвзятый анализ сложившегося трудного положения.

Заигрывание с исламистами позволяет правящей верхушке решать еще одну первостепенную задачу для обеспечения и подкрепления своего господствующего статуса – ослаблять демократическую оппозицию как опасного политического конкурента.

В отношениях же с США и другими западными странами правящие круги выдают всю оппозицию за исламистскую, требуют для себя поддержки и содействия в ее обуздании.

Широкое политическое и социальное маневрирование, традиционное формирование правящей верхушки по принципу лояльности, а не профессионализма, открыто авторитарные методы правления ведут к образованию в

регионе кланов, стоящих у власти по 20–30 лет.

Как пошутил в беседе с автором один из крупных иракских бизнесменов, вынужденно покинувший родину во времена баасистской диктатуры, “у нас правители не уходят в отставку, их либо убивают, либо бросают в тюрьму, либо они вынуждены спасаться бегством от расправы”.

Сохраняющаяся напряженность в регионе, отсасывающая треть ВВП арабских стран на военные нужды и оставляющая менее его четверти на нужды развития, дает властям удобный повод для продолжения антидемократического курса под предлогом мобилизации внутреннего фронта и всех ресурсов на отпор внешним врагам. Напомним в этой связи, что чрезвычайное положение, введенное в АРЕ после убийства А.Садата (октябрь 1981 г.), до сей поры не отменено. В условиях чрезвычайных законов живут и многие другие арабские страны.

Вспоминается весьма близкий к региональной действительности сатирический рисунок в газете “Аль-Хайят” – к позорному столбу прикован арабский диссидент, рядом палач угрожающего вида с бичом в руке, гневно вопрошающий: “Как ты смеешь молить о свободе, когда Палестина остается несвободной?”.

Анализ положения с демократией в арабском мире привел специалистов ООН к выводу о том, что “он является самым несвободным регионом планеты”⁸.

Практическое отсутствие демократической свободы самовыражения, подавление любого проявления секулярной активности, отходящей от официальной линии, развязывают руки исламистам, подкрепляя их лозунг о необходимости отказа от чужеземного влияния, возврата в прошлое, о строительстве религиозного государства и возрождении халифата.

В условиях ужасной отсталости и беспросветной нужды большинства населения сохраняют свою привлекательность и социалистические идеи и, прежде всего, принцип социального равенства.

Показательно в этой связи, что неуловимый лидер "Аль-Каиды" У.бен Ладен в своем видеообращении, приуроченном к шестой годовщине сентябрьских событий 2001 г., активно прибегал к социалистической риторике.

Таким образом, поиск исторического будущего, который ведут сегодня большинство мусульманских стран, не исключает возвращения к социалистической парадигме, к идее социальной справедливости, столь привлекательной для обездоленных масс, что, в свою очередь, грозит новыми конфликтами и взрывами в обширнейшей зоне мира с населением, превышающим миллиард человек.

К этому добавляется недоверие и настороженность, которые в мусульманских странах испытывают к американским замыслам "нового порядка на Большом Ближнем Востоке" и "демократизации" непокорных стран, считая их, и не без оснований, подновленными планами претворения в жизнь вожделенной мечты США о мировом господстве, о превращении мира в "*Pax Americana*". Арабские страны, к примеру, на опыте своей современной истории хорошо знают, что эти стратегические построения на практике оборачиваются американским "железным кулаком", который обрушивается то на Ливию, то на Ливан, то на Ирак.

Показательна в этой связи критика, прозвучавшая в выступлении президента Египта Х.Мубарака (май 2006 г.) на Всемирном экономическом форуме в Шарм аш – Шейхе. Он обвинил США в проведении политики двойных стандартов в международных отношениях, в игнорировании позиции мирового

сообщества относительно вторжения в Ирак, во вмешательстве во внутренние дела иностранных государств¹⁴.

Чего стоит, к примеру, инициированный американцами и израильтянами и поддержанный европейцами бойкот палестинского правительства, сформированного в начале 2006 г. после победы демократическим путем на выборах Движения исламского сопротивления – Хамас. Он не только не достиг целей, поставленных его инициаторами, а именно: всемерное ослабление и отстранение от власти Хамас, но и принес обратные результаты, чреватые дальнейшим осложнением ситуации на палестинских территориях и поисков политических развязок ближневосточного конфликта, тлеющего уже без малого 60 лет и дающего время от времени рецидивные вспышки ожесточенного вооруженного противостояния, как это было летом 2006 г.

На опасность подобного рода "санкций" указал Специальный представитель Президента России по Ближнему Востоку, заместитель министра иностранных дел РФ А.В.Салтанов, выступая на брифинге 6 апреля 2007 г.: "Мы в принципе изначально были против какого-либо наказания палестинцев за тот демократический выбор, который они сделали в рамках избирательной кампании. Более того, по нашему мнению, различные санкции, ограничения и блокады в принципе вредны. Поскольку от них, прежде всего, страдают простые палестинцы.

А это значит, что у значительной части палестинского населения накапливается неудовлетворенность, и, если хотите, гнев, который может вылиться в самые различные проявления.

*А такими настроениями, безусловно, будут пользоваться те силы, которые не хотят стабильности, не хотят возобновления переговорного процесса между палестинцами и Израилем (выделено – Авт.)"*¹⁵.

Аналогичный обратный эффект имели и умышленные провоочки с пре-

крашением огня в Ливане летом 2006 г.: израильтяне, несмотря на явную и скрытую поддержку США, не смогли сломить сопротивления Партии Аллаха (Хизбуллы). В результате позиции исламистов как в Ливане, так и на палестинских территориях заметно укрепились. Решение же краеугольной задачи мирного и долгосрочного урегулирования на Ближнем Востоке было отброшено далеко назад.

Предвидя такой отрицательный эффект от силовой линии США и их союзников, Россия последовательно выступала за настойчивую и кропотливую политическую работу с новым демократически избранным палестинским руководством, за немедленное прекращение огня в Ливане и решение всех спорных вопросов переговорным путем.

Москва заняла принципиальную позицию и относительно оккупации Ирака коалиционными войсками во главе с США в марте 2003 г., справедливо посчитав ее крупной ошибкой. Практика как лучший критерий истины полностью подтвердила обоснованность такой оценки.

В сфере экономики, где, на наш взгляд, следует искать главные причины нарастания террористической угрозы, одним из главных препятствий на пути ликвидации дисбаланса и отсталости в развитии стран “третьего” мира и арабских, в частности, остается

банальное нежелание крупного монополистического капитала пойти хотя бы на некоторое изменение сути современной структуры мирохозяйственных связей, в которой странам мусульманского мира, а теперь, судя по всему, и России, отводится прежняя роль сырьевой периферии.

Вспомним в этой связи весьма печальные итоги развернувшегося было в середине 70-х годов прошлого века движения “за новый экономический порядок”, инициаторами которого, кстати, были все те же арабские страны. Западные державы, умело играя на противоречиях между участниками движения, сумели в значительной степени притупить его острие, свести дело к незначительным уступкам и послаблениям в сфере международной торговли, которые в дальнейшем были “съедены” изменившейся не в пользу поставщиков сырья конъюнктурой мировых рынков.

В последние годы монополии, правда, больше внимания уделяют инвестиционной экспансии, переносу трудо- и энергоемких, экологически и гигиенически вредных производств в мусульманскую зону мира, где рабочие готовы трудиться по 12–14 час. в сутки за гроши, чтобы прокормить себя и свои семьи, а санитарные и экологические нормы и ограничения значительно более либеральны, либо отсутствуют вообще.

Оказание радикальной “помощи развитию”, тем более возросшему числу просителей, становится все менее популярным в правящих кругах и общественном мнении индустриальных центров Запада и Востока, которым также не чужды такие тяжкие, ставшие хорошо знакомыми россиянам явления, как спад, инфляция, кризисы.

Скорее всего, промышленно развитые страны на данном этапе мирового развития будут стремиться сохранить “статус кво” в своих взаимоотношениях с мусульманским миром, подбрасывая ему время от времени кое-что от щедрот своих “на бедность” для предупреждения или тушения конфликтных возгораний. Об обоснованности такого прогноза свидетельствуют весьма скромные и расплывчатые масштабы “помощи реформам” в странах Большого Ближнего Востока, намеченной, по инициативе США, “восьмеркой” в июне 2004 г.

В этих непростых и противоречивых условиях проблемы развития стран мусульманского мира, способные стать мощным пускателем для нового витка международных противоречий и напряженности, от которых мир еще не успел как следует оправиться, приобретают кардинальное значение и общемировое звучание.

В складывающейся новой обстановке сравнительной социально-политической однородности современного мира рассматриваемые страны вынуждены решать насущные задачи своего развития в одиночку, рассчитывая лишь на свои собственные, часто весьма ограниченные возможности и силы. Если ранее, маневрируя между двумя полюсами мировой политики, искусно играя на их противоречиях и взаимоотталкивании, многие из них могли в некоторой мере рассчитывать на помощь и поддержку, то теперь эта возможность исчезла.

Сильные мира сего во главе с США даже при всем осознании серьезности и важности проблем “третьего” мира для исторических судеб человеческой цивилизации не в состоянии вытянуть эти страны из пучины социально-экономической отсталости.

Показательно в этой связи мнение такого видного американского деятеля, как Дж.Шлезинджер, занимавшего в свое время целый ряд влиятельных постов (министр обороны, директор ЦРУ и проч.), которое дает представление об умонастроениях в американском политическом истеблишменте: “С окончанием “холодной” войны и исчезновением ее уникального дисциплинирующего влияния мир становится скорее более, чем менее анархичным. США не призваны, да и не могут избавить мир от всех его бед и напастей”¹⁶.

Действительно, при длительном сохранении в сфере внешней политики реликта “холодной” войны – прежней конфронтационной, блоковой логики можно ожидать регенерацию международной напряженности под влиянием проблем развития мусульманского мира, игнорируемых по большей части мировым сообществом.

Примечания

¹ Arab News. 12.09.2007

² Le Monde diplomatique (на русском языке). Май. 2007.

³ Foreign Affairs. November / December. 2006. P. 4–5.

⁴ Le Monde. 02.05.2006

⁵ Ахмедов В.М. Арабский мир – пути развития // www.iimes.ru

⁶ Ткаченко А.А. Арабский Восток и новый мировой порядок после падения режима С.Хусейна // www.iimes.ru

⁷ Le Monde. 23.10.2003

⁸ Jeune Afrique / l'Intelligent. 21.10–3.11.2002. P. 108, 104.

⁹ Asharq Alawsat. 31.07.2007.

¹⁰ Le Monde. 27.02.2004.

¹¹ Jeune Afrique / l'Intelligent. 23–29.01.2005. P. 11.

¹² Jeune Afrique / l'Intelligent. 21.10–3.11.2002. P. 107.

¹³ The International Herald Tribune. 26.01.2004.

¹⁴ Associated Press. 21.05.2006.

¹⁵ www.mid.ru 08.04.2007.

¹⁶ Foreign Affairs. America and the World. 1992/93. P. 27.